

стил я неохотно и с немалым страхом, но мне, повторяю, тогда было пять лет, и мои желания не принимались в расчет.

II

В имении дяди был огромный каменный дом, похожий на замо́к. Это было затейливое, но некрасивое и даже уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башнею, о которой рассказывали всякие ужасы. Там когда-то жил сумасшедший отец нынешнего помещика, потом, в его комнатах учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшным; но всего ужаснее было то, что наверху этой башни, в пустом изогнутом окне были натянуты струны, то есть была устроена так называемая «Эолова арфа».² Когда ветер пробегал по струнам этого своеговольного инструмента, струны эти издавали неожиданные и странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокойные, нестройные стоны и неистовый гул. В доме все не любили эту арфу и думали,

что она говорит что-то такое здешнему грозному господину, и он не смеет ей возражать, но оттого становится еще немилосерднее и жесточе... Было несомненно примечено, что если ночью срывается буря, и арфа на башне гудит так, что звуки долетают через пруды и парки в деревню, то барин в ту ночь не спит и на утро встает мрачный и суровый и отдает какое-нибудь жестокое приказание, приводившее в трепет сердца всех его многочисленных рабов.

В обычаях дома было, что там никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не изменялось, не только для человека, но даже и для зверя или какого-нибудь мелкого животного. Дядя не хотел знать милосердия и не любил его, ибо почитал его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякого снисхождения. Оттого в доме и во всех обширных деревнях, принадлежащих этому богатому помещику, всегда царила безотрадная унылость, которую с людьми разделяли и звери.

III

Покойный дядя был страстный любитель псовой охоты. Он ездил с борзыми и травил волков, зайцев и лисиц. Кроме того, в его охоте были особенные собаки, которые брали медведей. Этих собак называли «пьявками». Они впивались в зверя так, что их нельзя было от него оторвать. Случалось, что медведь, в которого впивалась зубами пьявка, убивал ее ударом своей ужасной лапы или разрывал ее пополам, но никогда не бывало, чтобы пьявка отпала от зверя живая.

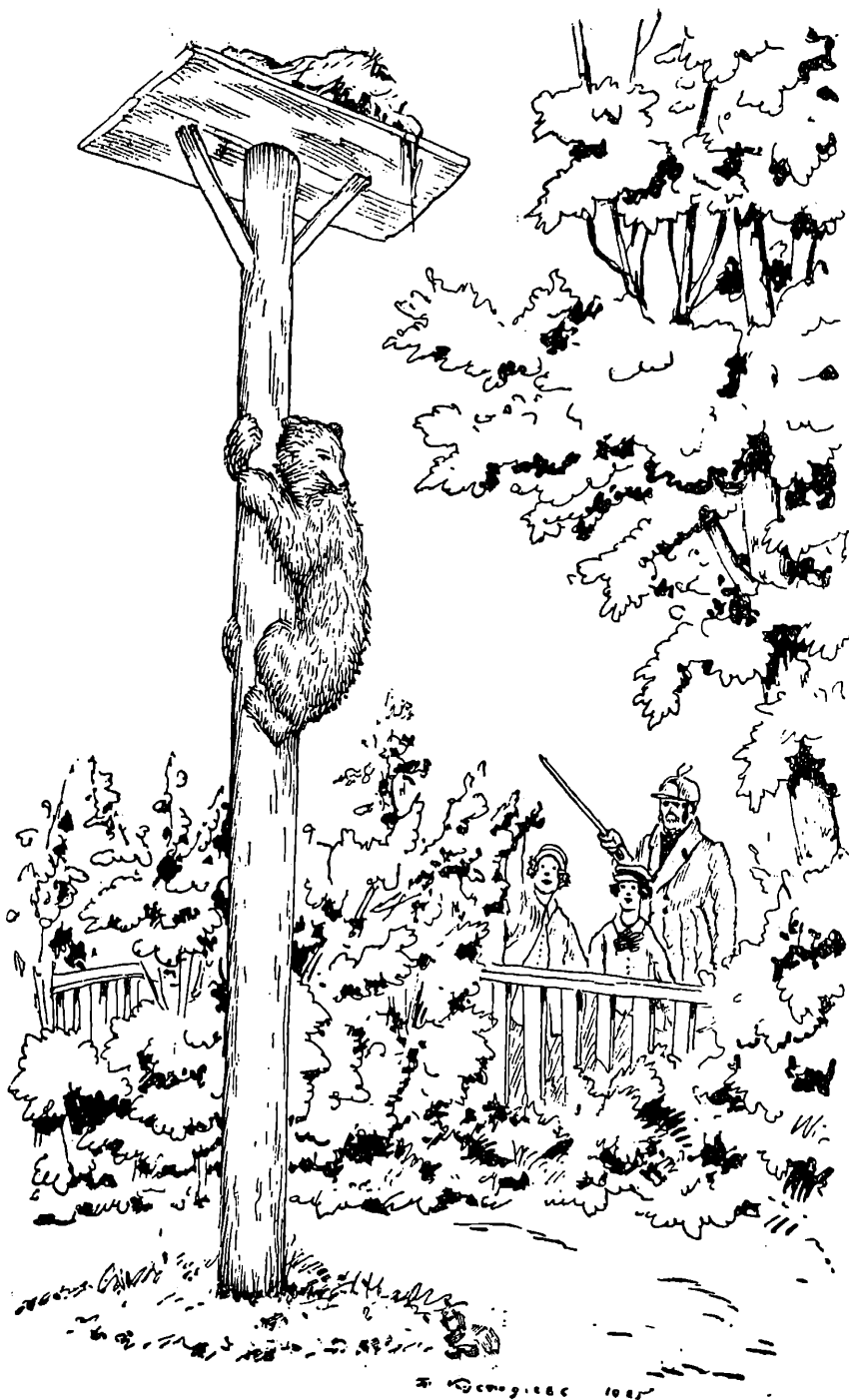
Позже, когда на медведей стали охотиться только облавами или с рогатиной, порода собак-пьявок, кажется, совсем уже перевелась в России; но в то время, о котором я рассказываю, они были почти при всякой хорошо собранной большой охоте. Медведей в нашей местности тогда тоже было очень много, и охота за ними составляла большое удовольствие.

Когда случалось овладевать целым медвежьим гнездом, то из берлоги брали и при-

возили маленьких медвежат. Их обыкновенно держали в большом каменном сарае, с маленькими окнами, проделанными под самой крышей. Окна эти были без стекол, с одними толстыми железными решотками. Медвежата, бывало, до них вскарабкивались друг по дружке и висели, держась за железо своими цепкими, когтистыми лапами. Только таким образом они могли выглядывать из своего заключения на вольный свет.

Когда нас выводили гулять перед обедом, мы больше всего любили ходить к этому сараю и смотреть на выставлявшиеся из-за решоток смешные мордочки медвежат. Немецкий гувернер Кольберг умел подавать им на конце палки кусочки хлеба, которые мы припасали для этой цели за своим завтраком.

За медвежатами смотрел и кормил их молодой доезжачий,³ по имени Ферапонт; но, так как это имя было трудно для простонародного выговора, то его произносили «Храпон» или, еще чаще, «Храпошка». Я его очень

хорошо помню: Храпошка был среднего роста, очень ловкий, сильный и смелый парень лет двадцати пяти. Храпон считался красавцем, — он был бел, румян, с черными кудрями и с черными же большими глазами на выкате. К тому же он был необычайно смел. У него была сестра Аннушка, которая состояла в нянях, и она рассказывала нам презанимательные вещи про смелость своего удалого брата и про его необыкновенную дружбу с медведями, с которыми он зимою и летом спал вместе в их сарае, так что они окружали его со всех сторон и клали на него свои головы, как на подушку.

Перед домом дяди, за широким круглым цветником, окруженным расписною решоткою, были широкие ворота, а против ворот посреди куртины было вкопано высокое, прямое, гладко выглаженное дерево, которое называли «мачта». На вершине этой мачты был прилажен маленький помостик или, как его называли, «беседочка».

Из числа пленных медвежат всегда отбирали одного «умного», который представлял-

ся наиболее смышленным и благонадежным по характеру. Такого отделяли от прочих собратий, и он жил на воле, то есть ему дозволялось ходить по двору и по парку, но, главным образом, он должен был содержать караульный пост у столба перед воротами. Тут он и проводил бóльшую часть своего времени или лежа на соломе у самой мачты, или же взбирался по ней вверх до «беседки», и здесь сидел или тоже спал, чтобы к нему не приставали ни докучливые люди, ни собаки.

Жить такую привольною жизнью могли не все медведи, а только некоторые, особенно умные и кроткие, и то не всю их жизнь, а пока они не начинали обнаруживать своих зверских, неудобных в общежитии наклонностей, то есть пока они вели себя смирно и не трогали ни кур, ни гусей, ни телят, ни человека.

Медведь, который нарушал спокойствие жителей, немедленно же был осуждаем на смерть, и от этого приговора его ничто не могло избавить.

IV

Отбирать «смышленного медведя» должен был Храпон. Так как он больше всех обращался с медвежатами и почитался большим знатоком их натуры, то понятно, что он один и мог это делать. Храпон же и отвечал за то, если сделает неудачный выбор, — но он с первого же раза выбрал для этой роли удивительно способного и умного медведя, которому было дано необыкновенное имя: медведей в России вообще зовут «мишками», а этот носил испанскую кличку «Сганарель». Он уже пять лет прожил на свободе и не сделал еще ни одной «шалости». Когда о медведе говорили, что «он шалит», это значило, что он уже обнаружил свою зверскую натуру каким-нибудь нападением.

Тогда «шалуна» сажали на некоторое время в «яму», которая была устроена на широкой поляне между гумном и лесом, а через некоторое время его выпускали (он сам вылезал по бревну) на поляну, и тут его травили «молодыми пъявками» (т. е. подростлыми

щенками медвежьих собак). Если же щенки не умели его взять и была опасность, что зверь уйдет в лес, то тогда стоявшие в запасном «секрете» два лучших охотника бросались на него с отборными опытными сво-рами, ⁴ и тут делу наставал конец.

Если же эти собаки были так неловки, что медведь мог прорваться «к острову» (т. е. к лесу), который соединялся с обширным брянским полесьем, то выдвигался особый стрелок, с длинным и тяжелым кухенренторовским штуцером ⁵ и, прицелившись «с сошки», ⁶ посылал медведю смертельную пулю.

Чтобы медведь когда-либо ушел от всех этих опасностей, такого случая еще никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всех в том виноватых ждали бы смертоносные наказания.

V

Ум и солидарность Сганареля сделали то, что описанной потехи или медвежьей казни

не было уже целые пять лет. В это время Сганарель успел вырасти и сделался большим матерым медведем, необыкновенной силы, красоты и ловкости. Он отличался круглою, короткою мордою и довольно сложным строением, благодаря которому напоминал более колоссального грифона или пуделя,⁷ чем медведя. Зад у него был суховат и покрыт невысокою, лоснящеюся шерстью, но плечи и загорбок были сильно развиты и покрыты длинною и мохнатою растительностью. Умен Сганарель был тоже, как пудель и знал некоторые замечательные для зверя его породы приемы: он, например, отлично и легко ходил на двух задних лапах, подвигаясь вперед передом и задом, умел бить в барабан, маршировал с большою палкою, раскрашенною в виде ружья, а также охотно и даже с большим удовольствием таскал с мужиками самые тяжелые кули на мельницу и с своеобразным шиком пресмешно надевал себе на голову высокую, мужичью островерхую шляпу с павлиньим пером или с соломенным пушком вроде султана.